

Евгений Ключев

Музыка на Титанике

noie moine

Евгений Васильевич Клюев

Музыка на Титанике (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7768509

Музыка на Титанике: Время; Москва; 2014

ISBN 978-5-9691-1249-0

Аннотация

В новый сборник стихов Евгения Клюева включено то, что было написано за годы, прошедшие после выхода поэтической книги «Зелёная земля». Писавшиеся на фоне романов «Андерманир штук» и «Translit» стихи, по собственному признанию автора, продолжали оставаться главным в его жизни.

Содержание

Что делать этому фанту?	6
От автора	6
«Да нет, никуда я никем не зван...»	8
«Переписываться с Всевышним...»	9
«В свою защиту я скажу...»	11
Сохранить как черновик	12
«Я вчера ходил с шарманкою в первый раз...»	15
«Эту лёгкую строчку волною прибило...»	17
Храбрый портняжка	18
«Отдельность – вообще – не знает, что ей делать...»	19
«Вы читали?..»	20
«Отпустить летать по небу мысли...»	21
«Это я не к тому, что, мол, если не я – тогда кто же...»	22
«И ещё я вот что скажу... нет, не то скажу...»	24
«Бог упаси, никого не сужу...»	25
«Ну зачем тебе, скажи, эта песня?..»	27
«Простите, я этого не говорил...»	28
«Так я и в этом виноват?..»	29
День занимается	31
«Ну, если так тому и быть...»	32
«Просто мне писать сейчас – не с руки...»	33

Арифметика	34
«А ещё я вот что тебе скажу...»	37
Автоматическое рождество	39
Что делать этому фанту?	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Евгений Ключев

Музыка на Титанике (сборник)

© Евгений Ключев, 2014

© «Время», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Что делать этому фанту?

От автора

К автору этих строк
век был не слишком строг:
в общем, не бил по рукам... по строкам
автора этих строк.
Впрочем, и автор сам
их не ему писал —
собственно, он их писал облакам,
собственно, небесам.

Нету таких веков,
нету таких оков,
и не бывает таких дураков —
взять да и променять
на, например, альков
шествие облаков —
всех этих белых коней без подков
медленный променад.

Я бы, наверно, мог
увековечить век —
или хотя бы стать с ним наравне,

если б я только мог,
если бы я привык
числить себя в живых,
если б я был человеком, а не
автором этих строк.

«Да нет, никуда я никем не зван...»

Да нет, никуда я никем не зван —
я просто иду на звон:
я слышу звон, но не знаю, где он,
и знать не хочу, где он.

Должно быть, мне хорошо в пути
и нравятся звуки над!
А кто и зачем там звенит — прости,
мне, в общем-то, дела нет:
ведь так и былинка идёт — на свет,
ведь так и любовь — на взмах,
и каждый идущий вслепую свят,
и весело нам впотьмах!

Небесный меня отпоёт ксилофон,
а может быть, барабан:
жил, значит, на свете такой болван,
который, мол, шёл на звон —
мол, слышал звон, но не знал, где он,
и знать не хотел, где он.

«Переписываться с Всевышним...»

Переписываться с Всевышним,
перемигиваться с вчерашним,
перешёптываться с дождём —
больше нет у меня умений,
и затянут туго ремень мой:
с чем приходим, с тем и уйдём.

И какую пришёл дорогой —
той уйдёшь, ничего не трогай
в этом мире: он весь не твой,
он хорош лишь, пока не тронут
и покуда грома не грянут
над твоею над головой —

а тогда уж твой жребий жалок...
Не касайся опорных балок,
не ступай на апрельский лёд,
не ходи по чужим газонам
и по прочим опасным зонам —
не влезай, дорогой: убьёт!

А они набирают опыт,
метят в цель, в барабаны лупят...
столько всякого на лотках:
у того в руках арматура,

у другого литература...

у меня – ничего в руках.

«В свою защиту я скажу...»

В свою защиту я скажу... увы,
слова мои совсем без головы —
мне нечего сказать в свою защиту:
лечу, не признавая запятых,
и только раздражаю понятых
тем, что кучу, но не плачу по счёту,
тем, что шучу – и сам же хохочу,
что брызгаю чернила на парчу,
что прогоняю прочь любую тучу
и что не позволяю палачу
меня любовно хлопать по плечу,
что сам не мучусь и других не мучу.
А дальше – что же... дальше промолчу
и радоваться сердце научу,
что снег пока не выпал и дождя нет,
что я живу на свете наугад:
немолод, неумён и небогат.
Но мой сурок меня сопровождает.

Сохранить как черновик

1

Тут такие на деревьях золотые плоды —
словно все произошли от звезды,
и такой тут на дорожке текущий песок,
словно мёд и абрикосовый сок,
и такой у Пантократора пламенный лик,
что на небесах растрескался лак,
и в пяти шагах такая херувимская рать...
ах ты, Боже мой, да что ж говорить!

У тебя пока остались все твои острова,
твоя книжка записная именами полна,
ты читаешь в этой книжке дорогие слова,
а тот факт, что их качает волна,
просто значит, что подул ветерок с Фуресё
или, может быть, качнулся Шираз.
Так что... если будешь клямкать на «удалить всё» —
подумай ещё раз.

2

А потом, мой ангел, делай что захочешь:
хоть сними пометку, хоть добавь пометку,
посади на крышу или, вот, на ветку,
игнорируй или заверни в салфетку —
есть ведь разные весёлые команды:
«передать на небо», «вырвать из контекста»,
«привязать зелёный бантик из батиста»,
«сжечь на площади Протеста в три присеста»,
«выпить на ночь», «вылить на пол» — вот атас-то,
всё указано в меню, любая стерлядь!
Так что выбрать — это, в общем, уже мелочь,
можно выбрать, кстати, «ничего не делать»,
чтобы, стало быть, не мудрствовать особо,
как учил нас драгоценный Антон Палыч,
и на том ему огромное спасибо.

3

«Не запоминать меня»:
я исчез за поворотом
шарфом, зонтиком, беретом —
нет, фрегатом, нет, корветом,

было весело — чего там...
Не запоминать меня!

Мне никто тут не родня.
Волк, Медведь, Лиса и Заяц,
Вы, простите, обознались —
обозлились, обознались,
Ваш неправилен анализ,
не запоминать меня!

Целый белый свет браня,
я садовником родился,
ни на что не пригодился,
и в душе моей броня,
я давно уже далече,
я вернусь в другом обличьи,
и дорогами другими,
и нося другое имя —
не запоминать меня!

«Я вчера ходил с шарманкою в первый раз...»

Я вчера ходил с шарманкою в первый раз,
и играл любые песенки на заказ,
и собрал немножко денежек для житья... —
я не знаю, что здесь делает это «я».

Непонятно даже, чьё оно, видит Бог —
залетело, словно, стало быть, голубок,
голубок такой... в три тысячи децибел:
всё разнёс к чертям и гуляет, как тут и был!

Это «я» чужое обычно бушует там,
где предметы не расставлены по местам,
где меж ними странствует ветер и до поры
всё легко — хоть провалиться в тартарары.

Тут король к самому себе нанялся шутом,
тут бродяжка на всём обедает золотом
и такая любовь меж вороной и соловьём,
что из этой любви не выходит никто живьём.

Я умру за тебя — и не примет меня земля,
ты умрёшь за меня — и сотрутся твои черты.
Я не знаю, что здесь делает это «я».

Я не знаю, что здесь делает это «ты».

«Эту лёгкую строчку волною прибило...»

Эту лёгкую строчку волною прибило,
а вот этой, тяжёлой, – ударило в ставню...
ах, махну-ка рукой, расскажу всё как было
и ни тайны себе за душой не оставляю.
Но смешны мои тайны, просты мои тайны:
этот трепетный образ был пойман на рынке,
а вот этот – когда я, по небу летая,
обнаружил две розно порхавших пылинки.
Я из этой вот лужи пил воду святую,
из вот этой тюрьмы любовался рассветом,
а вот в этой траве я нашел запятую,
после ставшую точкой, но дело не в этом.
Я на этих гвоздях танцевал под сурдинку
и, от боли крича, объяснял, что ликую,
а сюда, до угла, провожал Эвридику —
может, даже и ту... я не помню какую.
А вот тут я простился с одною страной,
обменяв у таможенника шило на мыло,
но и это неправда, как всё остальное,
потому что всё было не так – а как было.

Храбрый портняжка

Карандаш на скаку, рукава по локоть засучены — хоть такой вот аспект... но забудем и этот аспект: я и так накроил столько всякой, голубчики, всячины, что, боюсь, мне и сшить-то всего не успеть.

Правда, можно ведь шить — есть идея такая навязчивая — как прикажет душа (дескать, вот аж куда повело!), на глазок, на авось: приторачивая, оторачивая и опять приторачивая... хорошо, веселу!

А при чём тут на шляпе карман и на галстукке вытачки, на душе два весёлых помпона, а в горле аршин — без меня разбирайтесь, портные классической выучки, я-то храбрый портняжка, и как уж пошил — так пошил. Я-то храбрый портняжка, и где появляюсь с кошёлкою, все голубчики прячут под лавки работу свою, опасаясь, что я им, пожалуй, такого нащёлкаю и такого ещё накрою им... на самом краю!

Так в безумьи кроют, так поют под бичом и под розгами, так, в восторге от ножниц, кроит свою песнь идиот, наполняячи мир прихотливейшей формы обрезками... Будет время — сошью. Только мало кому подойдёт.

«Отдельность – вообще – не знает, что ей делать...»

Отдельность – вообще – не знает, что ей делать,
не знает, где ей жить, не знает, как ей быть,
и начинает прясть, запутавшись в куделях,
стихи на золотых полотнах голубых,
и хочет объяснить, что ей никто не нужен,
но, устрасая обид, не сможет объяснить —
и мелет чепуху, что организм простужен,
что не идёт строка, что оборвблась нить,
и, верная своей привычке многолетней,
пойдёт пройтись под дождь, в истрёпанном плаще,
и на прямой вопрос «нельзя ли поконкретней?»
не скажет ничего, а только вообще —
на всё – махнёт рукой, и поминай как звали:
ей это ни к чему – перечислять детали,
тем более – считать по осени цыплят.
И Бог далёкий наш, над облаками рея,
возьмёт и распахнёт пред нею эмпиреи —
конкретные весьма... на непредвзятый взгляд.

«Вы читали?..»

Вы читали?

Нет... не читали,
мы тогда высоко летали —
в тот момент, когда все читали:
мы тогда небеса латали
в соседнем квартале
листами стали,
по горизонтали,
и поэтому не читали,
но это, понятно, детали —
извините, что не читали...
да и сами давно не писали —
занимались одними небесами,
написать ничего не успели:
летали и пели,
а очнулись не то в капелле,
не то в купели
под стук капли —
и вообще ничего не успели,
поскольку — пали
в чистом поле,
от шальной пули.

«Отпустить летать по небу мысли...»

Отпустить летать по небу мысли,
провести сентябрь в пустынном кресле
и смотреть себе в окно перед собой —
где поют и шествуют гурьбой
слон малиновый и буйвол голубой,
медный лев и серебристый гризли,
пёс оранжевый и конь рябой...
Нет у слов у Иоанна Богослова,
чтоб закончить этот ряд, идущий слева
и направо, — буйствует набат,
все куранты бьют, все всадники трубят,
время в страхе выгнуло хребет...
Жизнь сложилась, в общем-то, счастливо —
непонятно, отчего знобит:
словно не на всех тут наберётся
счастья, и пустыни, и багрянца,
словно тут не каждому дано
ткать и ткать своё сердечное панно,
на котором кротко запечатлено
праздничное шествие зверинца.

«Это я не к тому, что, мол, если не я – тогда кто же...»

Это я не к тому, что, мол, если не я – тогда кто же: кто-нибудь да найдётся всегда – дописать за меня, за него, за неё и – за всех, ибо все мы похожи, ибо все мы родня.

И не то чтобы мы из какого-то общего теста — мы из общего текста на медленном том языке, от которого не уклониться и не отвертеться со свистулькой в руке.

Все мы родом из текста: семейство сплочённое знаков, признающих один только температурный режим, мы семейство сплочённое знаков, чей смысл одинаков и умопостижим.

Но характер пера – это дело уже наживное, это дело уже кружевное, характер пера... тут сбиваться с пути, тут спиваться снегов белизною, тут не спать до утра, тут нести околесицу, не находить себе места, ненадёжный узор из вчерашнего снега лепя, и навеки покинуть язык, и покинуть семейство, и покинуть себя, и забыться в компании весельчака-снегопада — замусоленных кружев сваявшихся полный кулак! —

и почти не заметить, как выпал из общего ряда
некий знак, и уже никогда не найти этот знак.

«И ещё я вот что скажу... нет, не то скажу...»

И ещё я вот что скажу... нет, не то скажу:
я всегда говорю не то – и на том стою:
на краю стою, и кривую строку свою
не себе сдаю, а какому-нибудь чижу.

Да и то сказать – важно ведь и не то сказать,
и кому ж тогда, как не мне? – никому тогда,
а без этого у нас чту вокруг – у нас тишь да гладь,
между тем как во облацех мгла и темна вода.

Кому истина – кому музыка, дорогой дружок,
кому новости – кому шалости: тут такой закон.
А что я чужак на земле своей – так и тут чужак,
лексикон – мой дом, и отечество – лексикон.

У тебя права, дорогой дружок, – у меня слова,
и поёт моё, и щебечет моё призвание:
что страна не та, что формат не тот, что строка крива,
да не выровнять по формату мне поле рваное.

«Бог упаси, никого не сужу...»

Бог упаси, никого не сужу —
тихо-претихо на ветке сижу,
но, сидя на ней, никому не служу
и не буду служить никогда.
Стало быть, сидя на ветке в саду,
дую в пустую такую дуду,
совсем ничего не имея в виду —
ни я сам, ни тем паче дуда.

Дую в пустую такую дуду
да выдуваю одну ерунду,
но и ерунду не имею в виду,
как бы кто бы там ни утверждал,
что выдуватель воздушных шаров
вовсе не есть выпускатель паров —
он есть, так сказать, созидатель миров:
демиург, верховода, бахвал!

Всё это, знаете ли, до поры,
ибо однажды наскучат миры
и ты вдруг устанешь от этой муры —
и, празднуя выдох и вдох,
выдохнешь, сколько вдохнешь из дуды,
хватит на песенку – вот и лады,
только уж ничего не проси за труды:

Бог не платит, на то он и Бог.

«Ну зачем тебе, скажи, эта песня?..»

Ну зачем тебе, скажи, эта песня?
Я уже давно забыл, как там было:
нету смысла помнить бал после бала —
открутилась уже эта томбола,
и свой номер я проспал, и погоня
завершилась без меня, и богиня
раздала уже подарки лукаво —
и налево раздала, и направо.
Мне, конечно, не стоялось ни слева
и ни справа – мне стоялось в сторонке:
вот меня и не крутило в воронке
полоумного томболы припева.
Что ж тут скажешь – я всегда не на месте
и ни с кем не совпадаю по масти,
да и лгут богини напропалую...
я не помню, как там было, целую.

«Простите, я этого не говорил...»

Простите, я этого не говорил —
я пил себе чай да в окошко смотрел,
я пил себе чай да в окошко курил
и много чего говорил:
сентябрь, говорил, наступил, говорил,
прощай, говорил, хлорофилл, говорил,
сложение и вычитание крыл
и есть наша жизнь, говорил.

Но сам никуда улетать не хотел —
всё пил себе чай да в окошко смотрел
на то, как один малолетний пострел
себе арбалет мастерил.

А я, говорил, не пострел, говорил,
и сильно уже постарел, говорил,
и нет, говорил, моих сил, говорил,
и нет, говорил, моих стрел...
но что, говорил, обойдёмся без стрел,
и что, говорил, обойдёмся без крыл,
и что, говорил, был неправ тот пострел,
так этого — не говорил!

«Так я и в этом виноват?..»

Так я и в этом виноват?

А кто же в этом виноват?

Ты сам покинул резерват —

ты сам во всём и виноват:

что у тебя счастливый вид,

что ты здоров и плодovit,

что каждый встречный норовит

сказать тебе «привет»...

так я и в этом виноват?

И в этом виноват.

Что дух летал над бездной вод,

что танцевал небесный свод,

и что небесный садовод,

которому – виват,

ночей не спал, вставал чуть свет

и смастерил сей белый свет,

но сам тут больше не живёт:

масштаб немного мелковат...

так я и в этом виноват?

И в этом виноват.

А здесь – неточный перевод:

здесь не кружился хоровод —

здесь погибал за взводом взвод,

и тысячи подвод

везли убитых в рай и в ад,
где престарелый счетовод,
бессменный ундервуд,
строчил Новёхонький Завет, —
так я и в этом виноват?

И в этом виноват.

Их расстреляли всех — и вот
теперь тебя на казнь зовут,
сладкоголосый индивид,
последний неликвид!

А почему на казнь зовут...
какой бы дать тебе ответ:
Лужки Воловьи нарасхват,
и Откатай подуздоват...
так я и в этом виноват?

И в этом виноват.

День занимается

День занимается – и занимается глупостями:
болью в виске и низанием звуков на нить.
Старый пропеллер вращает тяжёлыми лопастями,
будучи не в состоянии день изменить:

взять и поймать наконец ударение фразовое
и отпустить навсегда под шатёр золотой,
больше уже никому на земле не навязывая
тоники этой, силлабики этой пустой;

взять и поймать наконец ударение фразовое
и отпустить на свободу – свободою жить,
больше его не обуздывая, не обязывая
мыслям чужим – пусть и самым высоким – служить;

взять и поймать наконец ударение фразовое —
пусть и с трёх раз, и... лети себе, мой голубок,
в вечное небо твоё – голубое и розовое,
где проживает художник по имени Бог.

Кровельщик в крышу стучит молотками злословящими.
Как хорошо оказаться опять в дураках —
не разбираясь уже со своими сокровищами
старых открытий, разбросанных в черновиках.

«Ну, если так тому и быть...»

Ну, если так тому и быть,
то, значит, так оно и будет —
и нас опять любовь разбудит
счастливой дудочкой своей:
она, из-за семи морей
беглянка, запоёт, задует
и снова вечность наколдует,
назажигает фонарей
на наших сумрачных путях,
натараторит всякой чуши,
и наши глупенькие души
за ней вдогонку полетят —
так молодо, так грозово,
забудут честь, забудут нечисть!
И вот... сначала будет вечность,
а вслед за нею — ни-че-го.

«Просто мне писать сейчас – не с руки...»

Просто мне писать сейчас – не с руки,
да не так мы и далеки:
между нами, в сущности, всего три строки,
где качаются огоньки!
Эх, найти бы час – или нет, полчаса,
а уж там... – привет, вот и я!
Ан сентябрь, видишь ли, давно начался
и нет повода – в те края.
А потом... скажи, зачем судьбу изнурять —
суета-сует-суета! —
и стихами жизнь свою опять измерять:
жизнь легка, да мера не та.
Соловьёв отправили на Соловки,
а я сам сказать не рискну,
что случится через – например – три строки
или даже через одну.

Арифметика

Прибавив яблоко к дождю...
1988

1

Прибавив яблоко к дождю... — поди-ка вспомни
тот дождь, то яблоко и то, как невесомо
слова кружились в голове, огни и камни
и как понятна мне была их связь и сумма!
А почему... а почему — я сам не знаю:
предметы, числа, имена — лежали рядом
и подгонялись без труда, почти вплотную,
одним движеньем и одним беспечным взглядом.
Равнялись птицы небесам и рыбы — рекам,
равнялись звёзды островам... и чистым небом
я уходил с одним хорошим человеком,
который назывался бог, но богом не был.
Я уходил и уносил с собой в котомке
и арифметику свою, и свою веру —
сложивши вместе все труды и все задумки,
прибавив полночь к светлячку и к мирре серу.
А там... уже не удалось разъять обратно
всё, что друг с другом так сжилось и так сложилось,

и так срослось, и после стало непонятно,
что тут к чему и что за чем, такая жалость...

2

Прибавив яблоко к дождю... — и что ж потом?
Да как-то не было «потом» в те времена —
тогда была у нас гармония одна
во всём своём забыл каком — ах, золотом! —
и вёлся счет не так...

А впрочем, не велось
тогда счетов: тогда всего было не счесть,
и стук часов, переходивший в стук колёс,
одну лишь вечность знал — по имени Сейчас.
И всё-то было навсегда там, а отнюдь
не как-нибудь — и мир стоял, как монолит:
тогда у мира было нечего отнять,
тогда на свете было нечего делить,
и правил не было, и знали наперёд,
что хоть какую ерунду к другой добавь,
а всё равно они встряхнутся, воспарят —
и превратятся исключительно в любовь!
Там отдавалось так же просто, как бралось,
не различались апогей и перигей,
и всё обменивалось, оптом или врозь,
на снова всё, но только выделки другой.

Прибавив яблоко к дождю... – я повторяюсь,
всё повторяется, на том стоят стихи,
дожди и яблоки, спокойствие и ярость,
печные сполохи, кузнечные мехи,
речные всплески и ночные перелески,
пески морские и мирские голоса —
всё то, что детский наш язык, язык библейский
вместил в себя – и над собою поднялся:
такая व्यучность в нём, такая в нём живучесть...
такая музыка молочная слышна!

Ах, нам, пожалуй, ничего уже не вычесть
и ничего не разделить ни на, ни на:
весы все сломаны, прошли все времена,
другими стали и длина, и ширина,
а высота переменялась и подавно,
но как возвышенно, как трепетно, как дивно
горит поставленная на помин свеча
Дождю и Яблоку – прозрачная, нагая!
И жизнь смущается, пустое лепечет,
но по привычке всё слагая и слагая...

«А ещё я вот что тебе скажу...»

А ещё я вот что тебе скажу:
ничего не бывает для.
Я за жизнью этой давно слежу —
ничего не бывает для.
Иногда нам кажется: это для —
или: это уж точно для!
Но на самом-то деле пуста земля,
пуста и безвидна земля.

А ещё я вот что тебе скажу:
ничего не бывает за —
и не зря к последнему рубежу
мы приходим, закрыв глаза.
Иногда нам кажется: там гроза —
или: там горят образа...
но, покуда действуют тормоза —
жми-ка лучше на тормоза!

Поживи пока, погуляй пока
по зелёному бережку,
поклонись, увидевши облака,
помолись речному божку,
походи по кромочке бытия,
мёд пия и песни поя, —
только не говори и не думай, как я,

и не живи, как я.

Автоматическое рождество

На макушке ёлки птичка в золочёном гнезде —
у неё внутри мотор, чтоб распевать на весь лес.
Хорошо, что батарейка в Вифлеемской звезде:
оттого пылает ярко, будет много чудес.

Будут выситься под ёлкой серебристой горой
свёртки со свистком и белкой, с пирогом и нугой —
словно кто их из-за ёлки намечает пургой
и глядит себе из щёлки: хорошо ль, дорогой?

И без спички будут свечи загораться – на взмах
то ль хвоста, то ли уздечки пряничного коня,
ты-то знаешь: это ангел их включает впотьмах,
он воздушен весь и огнен, и он любит меня!

Будет скатерть-самобранка – и возникнет в лучах
вдруг тарелка-самозванка с солнечной отбивной:
а механика такая, что небесный рычаг,
весь в лучах и весь сверкая, не жалеет огней.

Будет, будет, так и будет... и уже так и есть:
ни подарком не обидят, ни свечой, ни едой.
Вот и агнец вдруг нашёлся, вот и вол уже здесь,
и волхвы свои кошёлки потрошат под звездой.

Скушай маковый калачик – так уж заведено,
есть на то особый ключик – им и заведено:
не хотело заводиться, но потом завелось —
сбрызнули святой водицей да добавили слёз.

И пока завод не сношен и нежны жернова,
каждый грешен и утешен и беда не беда —
автоматика крутится, батарейка жива
и поёт над нами птица золотые слова:

«Всё само собой, родимый, будет быть, будет быть,
ты никтым-никто, родимый, в этой общей судьбе,
так что смейся или плачь ты, помни или забудь —
существует в мире нечто, что живёт не в тебе:

Улыбается Иосиф не в тебе – вне тебя,
и Мария, шаль набросив, приняла произвол,
вне тебя пылает в яслях огонёк бытия,
вне тебя собрлись ослик, и ягнёнок, и вол.

И совсем никто не нужен, чтобы всё было так,
и уже цветок из ножен вынимает дитя,
говорит “Make love” – и плачет, и целует цветок,
и поёт три раза кочет и летит на восток.

Поприветствуй, коченея, вечный круг Рождества:
это чудо сочлененья всех колен и валов —
всех подарков и всех свечек, всех тарелок, всех уздечек,
всех ягнят, и всех ослят, и волов!

Может, есть такая кнопка, чтоб нажать – и вперёд,
или есть одна улыбка в облаках расписных...
да ни кнопка, ни улыбка не берутся в расчёт —
всё крутится и светится без тебя и без них».

Что делать этому фанту?

1-му фанту

Этому фанту – спеть,
спеть и сыграть на лютне:
пусть соберутся люди
и прилетит Господь —
на тихом облаке,
по своему хотенью,
ибо нет публики
в мире первостатейней.

Пой, драгоценный фант,
струны перебирая,
мелко перетирая
свежего лиха фунт,
пой-ничего-не-знай,
пой-ни-о-чем-не-думай,
кроме своей резной
лютни, стихом ведомой.

Возраст, привычки, пол —
нам безразлично, кто ты,
помнил бы только ноты,

только б играл и пел!
Встретимся наверху —
всяк сам себе хозяин.
По твоему стиху
там мы тебя узнаем.

2-му фанту

Этому фанту пройти четырнадцать километров,
после чего повернуть направо и тут же налево:
на горизонте начнёт различаться нитка залива
и небосвод будет пепелен... нет, перламутров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.